

вому разрешить вопрос, была ли верховная власть в Византии в отношении соседних государств реальной или номинальной и как она влияла на их суверенитет. И. П. Медведев приходит к выводу, что в международном праве авторитет доктрины всемирной империи был высок и в этом смысле империя ограничивала суверенитет даже тех государств, которые реально отнюдь не подчинялись Византии⁴³.

Сложная проблема о месте Никейской империи в системе международных отношений XIII в. разрабатывается П. И. Жаворонковым. В опубликованной им части его монографии прослеживаются связи Никеи с Западом и Востоком с государствами Апеннинского полуострова, папством, с турками-сельджуками.

В работе дается новая трактовка некоторых событий дипломатической борьбы того времени, уточняются их датировки, проливается новый свет на западную и восточную политику Ватаца и Ласкарей⁴⁴.

Традиционной и плодотворно разрабатываемой темой в советском византиноведении продолжает оставаться история русско-византийских политических и культурных связей.

Основные этапы политических взаимоотношений Византии и Руси в X—XII вв. намечены Г. Г. Литавриным⁴⁵.

В ценной монографии Е. Ч. Скржинской рассматриваются экономические и политические связи Италии, Византии и России в XV в. по данным сочинений Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Исследовательница опубликовала тексты этих памятников и их русский перевод, содержащие полезные сведения о Причерноморье, Константинополе и Трапезунде⁴⁶.

В исследованиях Я. Н. Шапова, В. Г. Брюсовой, Г. В. Алферовой и многих других ведутся разыскания, связанные со сложной проблемой влияния византийской государственности и культуры на Русь. Ученые приходят к выводу, что византийское наследие ощущалось сильнее в тех сферах общественной и культурной жизни, где были слабее местные традиции. В тех же областях знания и материальной культуры, где оно встречалось с развитыми институтами аналогичного характера, оно не вытесняло последних, но подвергалось значительному переосмыслению⁴⁷.

Непреодолимый интерес советских исследователей вызывает фигура Максима Грека. В последние годы этот интерес особенно оживился в связи с открытием в 1968 г. Сибирского списка Судного дела Максима Грека, проливающего новый свет на деятельность этого мыслителя в Русском государстве. Изучение идейного наследия Максима Грека и отношения

⁴³ *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных стран). — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972, с. 412—424; *он же.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. — ВВ, 33, 1972, с. 129—139.

⁴⁴ *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад. — ВВ, 36, 1975, с. 100—121; *он же.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — ВВ, 37, 1976, с. 48—61.

⁴⁵ *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. — ВИ, 1972, № 7, с. 36—52.

⁴⁶ *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1974. Эта же исследовательница издала эпиграфический памятник — надгробие XIV в. из Таны венецианского посла Якопо Корнаро. Памятник проливает дополнительный свет на развитие международных отношений в Северном Причерноморье во второй половине XIV в. См. *Скржинская Е. Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро 1362 г.). — ВВ, 35, 1973, с. 103—118.

⁴⁷ *Шапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — ВВ, 34, 1974, с. 74—78; *Брюсова В. Г.* и *Шапов Я. Н.* Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом. — ВВ, 32, 1971, с. 85—103; *Алферова Г. В.* Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов. — ВВ, 35, 1973, с. 195—220.